

УДК 94(495)
DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-4-784-794
Оригинальное исследование

Общественные конкурсы софистов и риторические выступления (epideixis akroasis) в Ранней Византии

Болгова А.М.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14
E-mail: bolgova@bsu.edu.ru

Аннотация. В работе рассматривается такой вид общественной активности в позднеантичных (ранневизантийских) городах, как конкурсы софистов и риторические выступления (представления) 2-й пол. IV–VI вв. Для представителей «Третьей» (2-я пол. IV в.) и «Четвертой» софистики (конец V–VI вв.) были характерны подобные конкурсы и выступления, связанные, прежде всего, с образовательным процессом в высших риторических школах и городскими праздниками, а также с «гастролями» софистов и частными поводами граждан. Как правило, такой конкурс сопровождался рекламой или индивидуальными приглашениями, если это был «закрытый показ». Темы конкурсных выступлений носили «школьный» характер (сюжеты из мифологии и древней истории), персональный характер посвящения правителю, полководцу, именитому гражданину, по поводу свадьбы или актов благотворительности (филантропии). Существовали тщательно разработанные риторические техники для голоса, мимики, жестов и др. Поведение зрителей отличалось устойчивыми вариантами – криками, аплодисментами, речёвками и даже акробатическими действиями типа чирлидерских. Отношения между софистами (риторами) на конкурсах эволюционировали от благородно-уважительных во II–III вв. («Вторая» софистика) до мелочно-ревностных с проявлениями зависти и тайных пакостей конкуренту. Наиболее информативный материал о конкурсах софистов и выступлениях риторов содержится в сочинениях Либания и Хорикия – ведущих представителей, соответственно, «Третьей» и «Четвертой» софистики.

Ключевые слова: софистика, риторика, Поздняя античность, конкурс, выступление, состязание, высшая школа, образование, город, Ранняя Византия, общественная жизнь, праздники

Для цитирования: Болгова А.М. 2022. Общественные конкурсы софистов и риторические выступления (epideixis akroasis) в Ранней Византии. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 784–794. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-784-794

Public Competitions of Sophists and Rhetorical Presentations (epideixis akroasis) in Early Byzantium

Anna M. Bolgova

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: bolgova@bsu.edu.ru

Abstract. The paper considers such a type of social activity in Late Antique (Early Byzantine) cities as sophist competitions and rhetorical contests (performances) of the 4th–6th centuries. Representatives of the «Third» (the 2nd half of the 4th century) and «Fourth» sophistry (the end of the 5th – 6th centuries) were characterized by such competitions and performances, associated primarily with the educational process in higher rhetorical schools and city holidays, as well as with the «tours» of the sophists and private occasions of citizens. As a rule, such a competition was accompanied by advertising or invitations if it was a «private screening». The topics of competitive performances were of a «school» nature (plots from mythology and

ancient history), personal dedication to the ruler, commander, eminent citizen, about a wedding or acts of charity (philanthropy). There were carefully developed rhetorical techniques for voice, facial expressions, gestures, etc. The behavior of the audience was distinguished by stable options – shouting, applause, chants, and even acrobatic actions such as cheerleading. Relations between sophists (rhetoricians) at competitions evolved from noble and respectful in the 2th – 3th centuries («Second» sophistry) to petty-zealous with manifestations of envy and arranging dirty tricks for a competitor. The most informative material about sophist competitions and speeches by rhetors is contained in the writings of Libanius and Choricus, the leading representatives, respectively, of the «Third» and «Fourth» sophistry.

Key words: sophistry, rhetoric, late antiquity, competition, performance, competition, high school, education, city, Early Byzantium, public life, holidays

For citation: Bolgova A.M. 2022. Public Competitions of Sophists and Rhetorical Presentations (epideixis akroasis) in Early Byzantium. *Via in tempore. History and political science.* 49 (4): 784–794 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-784-794

Введение

Две важнейшие обязанности позднеантичного практикующего софиста, преподававшего в высшей школе риторики, заключались в том, чтобы периодически проводить общественные выступления (представления) и знакомить юношей с древними образцами, то есть учить. В силу большой социальной мобильности софисты и риторы часто посещали многочисленные города, где не было риторических школ, и в рамках «гастролей» устраивали подобные выступления, чаще всего на общественных праздниках в городах. Весьма часто вместо сольных выступлений устраивали целые конкурсы («состязания») софистов как в силу агонистических традиций античности, так и в силу стремления расширить круг участников и оживить публику. Такие конкурсы и выступления занимали важное место в общественной жизни ранневизантийских городов и были тесно связаны с практикой деятельности высших риторических школ.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает феномен риторических конкурсов и публичных выступлений софистов в позднеантичном Восточном Средиземноморье.

Методы исследования: сравнительно-исторический, метод контент-анализа, историко-биографический, а также анализа и синтеза.

Результаты и их обсуждение

Предметом рассмотрения здесь будет период 2-й пол. IV–VI вв., который объединяет два поколения – «Третью» софистику (2-я пол. IV в.) и «Четвертую» софистику (конец V–VI вв.). Эти два периода обладают многими общими чертами, за исключением того, что представители последней были уже христианами, однако это мало отражалось на их творчестве [Bolgov, Bolgova etc., 2018]. Кроме того, последние известны нам почти исключительно в одном локусе – Газе Палестинской, но это не делает их маргинальными, так как аналогичные сочинения из крупнейших центров империи того времени не сохранились.

Публичные представления и конкурсы (состязания)

Чаще всего софисты позднеантичного времени, помимо индивидуальных практик, были преподавателями высших риторических школ, так что их общественные выступления и конкурсы были теснейшим образом связаны с образовательным процессом в данных школах.

Причины конкурсов – «выпускной экзамен» в школе, городской праздник, гастроли (шоу), визит начальника, частный повод

Софист мог публично представить собственное искусство в нескольких случаях. Как мы знаем из сочинений Либания, в течение долгих десятилетий его руководства высшей

риторической школой в Антиохии софист практиковал публичные демонстрации своего искусства через регулярные промежутки времени, в зимние и весенние месяцы, – в те месяцы, когда в школе проходили сессии, а город был полон студентов (Lib. Or. 1. 196, 7; 199, 10; ep. 1292). Он также давал выступления и летом (Lib., Ep. 394 a). В Антиохии выступления софистов, по-видимому, включались в общегородской праздник, чтобы все студенты могли присутствовать на нем (Lib., Or. II. 279, 11). Возможно, что именно таким образом сам Либаний впервые услышал в Афинах трех софистов в период своего обучения (Lib., Or. I. 14, 5) [Cribiore, 2007, p. 304].

По всей видимости, софисты стремились добиться от города включения своих выступлений и конкурсов в программу городских общественных праздников, а не наоборот, так как риторов в империи было много и им нужна была постоянная практика.

Во время длительных каникул летом и в начале осени софисты имели возможность путешествовать с места на место, и в ходе этих «странствий» часто устраивались дружеские состязания (Eunap. VS, p. 17; Lib., Or. I. 176; ep. 394 a). Иногда такие состязания были отнюдь не дружественными (Eunap. VS, p. 81, 86), так как помимо чисто профессиональной конкуренции они предполагали соперничество за гонорар.

Постепенно возникает практика публичных риторических выступлений в городе как форма экзамена или выпускного квалификационного экзамена для студентов.

Иногда губернатор провинции или другой магистрат, проезжая через город, обращался к выдающемуся софисту, чтобы тот продемонстрировал ему образец его красноречия. Или, напротив, чиновник иногда путешествовал на большое расстояние, чтобы увидеть и услышать кого-нибудь из знаменитостей.

Префект Египта Максим, который ранее был губернатором Галатии, любил слушать декламации и воздавал хорошую честь софистам (Lib. Ep. 1230). Максим украсил Анкиру зданиями, фонтанами и источниками, что увеличивало количество софистов и стимулировало конкурсы среди них. Либаний посоветовал Кастрикию, что он должен «использовать свой язык для ушей, которые знали, как судить» (Ep. 1117).

Даже императоры иногда посещали залы и аудитории софистов или устраивали слушания при дворе. Это было сделано впервые Адрианом и продолжено некоторыми другими императорами, в том числе в IV в. император Юлиан, когда он посетил Антиохию с целью начать войну на Востоке, прежде всего осведомился о софисте Либании, и когда он увидел Либания, то его первыми словами были: «Когда я смогу тебя послушать?» (Lib. Or. I, 81,22).

Однажды провинциальный губернатор, официальная резиденция которого находилась в Антиохии, послал к Либанию с просьбой дать образец его искусства, но Либаний отказался говорить, если губернатор не выйдет из дворца и не придет в его (Либания) аудиторию (Lib., Or. I. 77, 4) ³⁵.

Поскольку литературные произведения императора Юлиана могли соперничать с Либанием, софист сообщил забавную историю: какое-то время он пребывал в страхе, что сам император намеревался вступить в *риторический конкурс* в качестве его противника и таким образом победить своего дидакала (Lib. Ep. 758).

В позднеантичном обществе в целом были распространены публичные выступления и конкурсы, в которых учителя, учащиеся и стремящиеся к славе поэты могли представить свои работы ³⁶, и губернаторы были весьма рады принять дары Муз.

Хорикий в Эпитафии Прокопию (7[VIII].15) рассказывает случай из его жизни, произошедший в городе на соседней «египетской реке», скорее всего, в Александрии: когда

³⁵ Похожую историю Филострат рассказывает о софисте II в. Полемоне, который однажды, неоднократно отказываясь выступать, фактически вынудил некоего высокопоставленного магистрата подойти к своей двери с подарком в виде десяти талантов и просьбой (Philos. VS 535).

³⁶ См. [Cribiore, 2001, p. 241–242] касательно Египта.

Прокопий был еще молод, он победил там опытного софиста-«ветерана» в ораторском конкурсе³⁷.

Хорикий заявлял, что долг ритора двоякий: наряду с его задачей вести молодых людей к познанию древних классиков, другой его важной обязанностью было представить публичные состязания и очаровать свою аудиторию разумными и красивыми речами (Chor. p. 111. 20–23). Такое представление, как *επισείξις* – либо презентация одного ритора, либо дружественные конкурсы между двумя или более риторами (Chor. p. 367) [Walden, 1912, p. 213].

Такое представление, как правило, было экспромтом или импровизацией. Но ритор выходил, чтобы представить свое искусство перед публикой лишь после тщательной подготовки. В других случаях, однако, аудитория просила ритора выступить на заданную тему и лишь затем на состязании импровизировать. В любом случае выступающий самостоятельно отвечал за то, чтобы пригласить и собрать аудиторию³⁸.

Приглашение публики на закрытый показ

Как правило, выступления были открыты для всей желающей публики, но иногда, например, когда они проводились по особому запросу для правителя или высокопоставленного чиновника, они проводились перед ограниченной аудиторией в закрытом режиме. Либаний в конце своей карьеры, обнаружив, что некие люди жаловались на количество его выступлений, исключил присутствие публики в этих случаях, хотя ранее признавал открытые выступления (Lib., Or. I. 180, 1; Eunap. VS, p. 61; ср. Himer., Or., XVII; Lib., ep., 25, 244, 964). В одном из писем Либаний упоминает о речи, произнесенной им перед аудиторией из четырех человек (Lib., ep., 31); в другом – о выступлении за закрытыми дверями (Lib., ep., 286); наконец, однажды специально приглашенная аудитория была ограничена пятнадцатью слушателями (Lib., Or. I. 50, 12).

Реклама конкурса (выступления)

Приглашения рассылались за некоторое время до проведения выступления софиста, или по городу рассылались посыльные, чтобы специально собрать как целевую аудиторию студентов, как правило, учеников других софистов или даже обучавшихся по другим направлениям (не риторике), чтобы привести их на конкретную лекцию (Lib., I. 199, 11).

Приглашения рассылались чаще всего либо за три дня до вручения (Themist., 313 d); либо накануне (Lib., ep. 243 a).

Иногда софист лично приходил к своим друзьям, чтобы пригласить их на свое выступление (Synes., Dion, 11). Аудитория нередко собиралась лестью (Lib., Or. I. 62,16; ep., 173, 546, 1292).

Если важного человека пропустили и не заметили, когда рассылались приглашения, это вызывало серьезные обиды (Lib., I. 205, 18; III. 446, 9). Получить приглашение считалось честью (Lib., ep., 173).

Либаний стремился подавить зависть коллег и снять обиды тех, кого (случайно) пропустили, увеличивая количество своих выступлений (Lib., ep., 394 a). Он говорит в одном месте, что его постоянно просят, даже летом, устраивать представления, и что он пригласил на представление весь город (ep., 1292; 1296). Слово, используемое для «отправки приглашения», «приглашения» – *kaleo* (Lib., Or. I. 199, 11); для «сбора аудитории» – *ageiro* (Themist., 282d). Отметим при этом, что во II в. Элий Аристид говорит (Or. II, p. 575), что зазывать аудиторию – это деградация профессии софиста. По прошествии двух столетий мы видим, что это было уже не зазорно.

³⁷ [Litsas 1980, p. 217]: «Прокопий обучался мастерству риторики, и впоследствии он довел его до искусства».

³⁸ Ср. термин *επισείξις* в Chor. p. 22. 18; 121. 11. В целом о риторических состязаниях в первые века н.э. см.: [Walden, 1912, p. 218–264, особенно 223–226].

Когда Либаний постарел, очевидно, что студенты уже были не всегда готовы приехать на его выступление, но в «старые добрые времена» они не нуждались в уговорах, и если софист был выдающимся, то целые толпы стекались в лекционный зал (Lib., Or. I. 199, 7) ³⁹.

Оплата выступления и гонорар

Как правило, насколько нам известно, в Антиохии вход на риторические выступления был бесплатным (Lib., I, 200, 18).

Иногда софист выступал для богатого покровителя в частном порядке, чтобы получить значительный гонорар или подарок ⁴⁰. В иных случаях покровитель мог засвидетельствовать свое уважение к софисту другими способами.

В Афинах иногда могла взиматься плата за вход на конкурс или выступление софистов (Philos., VS, 519, 527, 604).

Допускалась ли вся городская публика к выступлениям, которые предназначались, в первую очередь, для студентов и имели учебно-квалификационные цели? Должны ли были студенты платить за посещение таких выступлений?

Кажется вероятным предположить, что учебно-квалификационные представления не были публичными (открытыми), но были и другие, предназначенные в большей степени для широкой публики, за которые не предусматривалось никакой оплаты (Lib., ep. 571, 572, 579, 617).

Менее продвинутая и более механическая часть курса, состоявшая исключительно из учебного материала, в отличие от более продвинутой и яркой части, представлявшейся на публике, обычно давалась не самими софистами, а их ассистентами.

На этих общественных или полуофициальных представлениях студент имел возможность увидеть на практике реализацию принципов, которым его учили в аудитории. Фактически представления были, в первую очередь, предназначены для дополнения обучения в классе, и они составляли регулярную часть курса софиста ⁴¹. В них софисты демонстрировали все искусства и приемы софистического ремесла (Lib. Or. II, 280). Эта демонстрация умений и навыков была очень важной, поскольку в этих случаях софист представлял перед своими студентами в моменты своего величайшего триумфа.

Внутри школы студенты также учились давать выступление либо для своих одноклассников с потока (группы), либо перед всей школой (Themist., 304 a).

Структура выступления: лалия, диалексис, эпидейксис, мелетия

Обычно софист, особенно если он приехал из чужих краев и был чужим в городе, где собирался декламировать, начинал свой основной дискурс коротким вступлением (*lalia*), призванным заслужить доброжелательность своих слушателей ⁴². Эта вступительная речь могла иметь любую форму, но обычно она содержала несколько слов, восхваляющих принимающий город и умаляющих способности говорящего (Philos., VS, 535, 572; Lib., Or. I.

³⁹ Слушатели также неохотно приходили во II в. на выступления Аристиды в Смирне (Ael. Arist., II, p. 573, 579). Аристид, однако, не был оратором, выступавшим с импровизированными речами (то есть читал «по бумажке») и не пользовался особой популярностью у публики (Philos., VS, 581, 582).

⁴⁰ Такой случай произошел с Полемоном (Philos., VS, 535).

⁴¹ Обычные термины для обозначения взаимоотношений учителя и ученика – *synousia* (Philos., VS, 604) или *homilia* (Porphyr., Vit. Plotin., 5), публичное выступление – *epideixis akroasis* (Philos., 586, 589; Lib., Or. I. 199, 8, 11).

⁴² Такое короткое вступление называется *lalia*, или, точнее, *prolalia*, или, по своему характеру, *dialexis*; также *prologos* и *proagon* (Eunap., VS, p. 82, 101; Themist., 329 d). Либаний упоминает софиста, прославившегося своими прологами (Or. I. 210, 5). Люди выучивали прологи Либания наизусть (Lib., Or. I. 40,12; 63,9). Студенты Либания порой аплодировали так сильно, что прерывали нить речи у софиста, и в прологе он призывал их так не делать (Lib., I. 179, 17).

276, 15). Иногда предлагалось короткое повествование и мораль, согласно которой аудитория должна благосклонно отнестись к выступающему.

После вступительной речи софист переходил к основной части. Она могла быть:

1) *dialexis* – более или менее неформальный дискурс, имеющий характер беседы на любую тему, представляющую общественный интерес, например, искусство софиста, или, возможно, на какую-то более философскую тему или этического характера. Диалексис иногда мог быть и вступительной речью (Himer., Or., VI, XVII, XXII). Его готовили заранее или давали экспромтом (Lib., Or., VI);

2) *epideixis*, или хвалебная речь;

3) *meletia*, драматическая или полудраматическая репрезентация или интерпретация персонажей в заданных ситуациях, или аргументы за или против определенных воображаемых линий поведения (контroversия и свазория).

Заданная тема или импровизация

Иногда софист готовил свою речь заранее, а затем либо декламировал ее, либо читал, когда приходило время для выступления. Иногда способность импровизировать считалась непременным условием для софиста («мыслящего ратора»), в отличие от ратора, просто воспроизводящего материал.

Представляется, что большинство сохранившихся речей Хорикия были написаны на заранее подготовленные темы. В частности, первая речь епископу Маркиану была представлена на тщательно организованном празднике по случаю освящения церкви св. Сергия. В нем принимала участие большая толпа вместе с кругом элиты граждан и городских чиновников (Chor. p. 3. 17). Энкомий полководцу Сумму описывается Хорикием как экспромт, но, как можно судить по его содержанию, формату и стилю, софист работал над его текстом до или после его презентации. С другой стороны, речь по случаю Брумалий Юстиниана, как кажется, была составлена *εκ του πρῶχειρου*, спонтанно во время самого события⁴³. В другом случае, когда Хорикий нашел дополнительное время, чтобы порадовать своих студентов *εὐκκλίων εὐωχίαν* (Chor. p. 196. 6)⁴⁴, он задается вопросом, где он мог бы отобрать лучшие материалы для того, чтобы он мог угодить им больше всего.

Техника речи – голос, мимика, жесты

Когда Либаний читал лекции в Константинополе, то он собирал большую аудиторию; некоторые приходили послушать, как он говорит, но больше всего, по его словам, – чтобы увидеть его жесты. Вся манера софиста на сцене, как видно из выражений, которые употребляются в его отношении, была полна напыщенной агрессивностью. Она специально разрабатывалась, чтобы произвести впечатление на публику. И эта манера не всегда ограничивалась сценой; даже в частной жизни софист часто по привычке был властным и высокомерным.

Голос софиста был тщательно настроен по тембру и по своей гибкости и мелодичности напоминал тонкий музыкальный инструмент. Мы можем полагать, что часто это во многом напоминало пение песни, и в лучшем случае оно могло быть разновидностью модулированной интонации.

Музыкальный и хорошо модулированный голос и гармоничный языковой поток можно рассматривать как дополняющие друг друга, а греческое ухо было тонко восприимчиво к обоим. Конечно, софист уделял большое внимание совершенству своего литературного стиля, и его язык все больше и больше становился как бы тепличным, вынужденным и искусственным по своему характеру.

⁴³ Характерно, что после пункта 10 (Chor. p. 177) попытка «затемнения» смыслов ломается, и ритор говорит о конкретных реалиях фестиваля. Также прерывание повествования по прибытии полководца Сумма (par. 14, Chor. p. 178) показывает, что эта тема была представлена Хорикием спонтанно, на определенный запрос в данный момент.

⁴⁴ Фраза приблизительно означает «общее обучение».

Характерной и узнаваемой чертой прозы этого периода был поэтический стиль не только поэтических ритмов, но и поэтических слов, выражений и форм мысли.

Темы выступлений (образовательные, похоронные, свадебные, похвальные в честь правителей и полководцев, филантропические)

Публичное выступление, несомненно, часто рассматривалось как интеллектуальное исследование, в ходе которого софист знакомил своих учеников и публику с новыми методами и новыми способами искусства.

Обычно он начинал свою декламацию несколькими словами предисловия, в котором он, пользуясь случаем, кратко объяснял технические особенности темы, которую он собирался обсудить, упоминал любые новшества в способе обращения, которые он вводил, и призывал аудиторию увидеть, с каким успехом он применяет на практике принципы, которым он учит.

Примеры такого рода введений есть у Гимерия и Хорикия. Один пример, из Гимерия, представляет собой введение не в дискуссионную или судебную тему, а в так называемый *protreptikos*, одну из многих форм речей, культивируемых в софистических школах.

Второй и третий примеры есть у Хорикия Газского. Они представляют собой выступления, соответственно, к двум выступлениям с противоположных сторон судебной темы. Сюжет таков: некий богатый и алчный старик решил женить своего сына на обеспеченной, но некрасивой девушке. Сын влюбляется в другую девушку, бедную, но красивую, и просит у отца разрешения жениться на ней. Отец отказывается давать его. Происходит война, и сын выделяется на поле битвы. Согласно закону, сын теперь может попросить любую награду, какую пожелает. Он просит руки любимой. Отец возражает. Оратор, в это время молодой человек, играет роль сначала сына, затем отца, каждый из которых изображается говорящим от своего имени.

Можно выделить целый ряд случаев, которые могли бы подвинуть ратора к организации своих выступлений в городе. Например, Хорикий, либо по собственной инициативе, либо по просьбе, выбрал для выступления происхождение праздника Брумалий Юстиниана – как культурное событие, а не просто письменный панегирик в честь императора. Император лично не присутствовал на этом событии. Хорикий, однако, нашел возможность восхвалить императорскую канцелярию косвенно, заявив, что «двор императора достаточно блестящ и без речи» (Chor. p. 175. 3–4). Его намерение в этом случае опять же носит образовательный характер, и его спонтанная мотивация происходит, главным образом, «от удовольствия, которое преобладало на празднике».

С другой стороны, Хорикий почувствовал себя обязанным представить экфрасис церкви св. Сергия в качестве вклада своего искусства вместе с другими искусствами, обеспечившими строительство и завершение этой церкви (Chor. p. 6. 2–7. 2. Cf. p. 35. 12–15).

Ритуальные речи и участие в трауре друзей и знакомых в Газе были обычной функцией Хорикия, а также его учителя Прокопия. Хорикий сочинил надгробную речь Марии, по-видимому, от имени или по просьбе своих детей; также надгробная речь Прокопия была представлена в качестве обязательства и знака благодарности своему учителю (Cf. Chor. p. 110. 5–8. Cf. p. 101. 9–20). В случае смерти близких сам Прокопий также привык принимать участие в трауре и утешать живых (Cf. Chor. p. 119. 4–16). Кажется, что в этих случаях ритор добровольно представлял более или менее импровизированные траурные речи. Хорикий жалуется на некоторых раторов, привыкших сочинять скорбные речи, стремясь использовать только эмоции своей аудитории (Chor. p. 99. 11–20). В своей эпитафии Прокопию он выходит за рамки жанра и представляет скорее хвалебную речь, для того чтобы он мог правильно воздать честь своему учителю и не быть движимым чужими эмоциями (Cf. Chor. p. 109. 11–15; 110. 9–11; 128. 22).

Еще одна функция ратора состояла в том, чтобы преподнести речь по случаю свадьбы. Соответствующий риторический жанр известен как «эпиталамий», или брачная речь. Две такие брачные речи Хорикия сохранились. По крайней мере, одна из них, Or. Nupt. in Zach.,

была представлена, возможно, экспромтом, как можно судить из эпизода, который состоялся после свадьбы: Хорикий нашел записку в аудитории, где было написано, что он не использовал должным образом гомеровскую цитату в своей недавней брачной речи (Chor. p. 195. 3–7; cf. p. 82. 1–6). Он считает, что его участие в свадьбах своих студентов – его обязательство, и он «пытается выполнить его в меру своих способностей» (Chor. p. 87. 16).

Кроме того, как сообщает Прокопий, риторические выступления в виде дружеских конкурсов происходили в Газе, когда какой-то другой оратор посещал город (Cf. Proc. Epist. 46).

Публичным выступлением оратора часто могла быть декламация. В этом случае ее содержание могло быть этического или социального характера, так что ритор мог предложить своей аудитории полезный урок, который также удовлетворял моральные запросы людей. Хорикий замечает, что Прокопий представлял свои работы в театре, чтобы очаровать публику своим красноречием и, в частности, чтобы привить юношам любовь к изучению речей (Chor. p. 112. 17–21). Прокопий также чувствовал свою обязанность проводить частные консультации со многими молодыми людьми и наставлять их, чтобы они могли избежать ненадлежащего поведения и оставаться разумными (Chor. p. 118. 3–5).

Филантропия (наследуя античной эвергесии) была еще одной темой типичной деятельности христианского светского учителя риторики в Газе. В одной из своих речей Хорикий с гордостью объявлял, по-видимому, по политическим, а также дидактическим причинам, некоторые благотворительные (филантропические) акции, сделанные полководцем Суммом (Chor. p. 78. 2–4). В другом случае он заявил, что «важным мероприятием для практикующих добродетель является память о тех, кто жил святой жизнью» (Chor. p. 5. 10–11). Он также перечислял многие из благотворительных мероприятий Прокопия и выразил убеждение, что таким образом он представил более полный образ своего умершего учителя (Chor. p. 118.21–119.19). Прокопий давал деньги на утешение страждущих; известна его помощь сиротам и вдовам, его финансовая помощь нуждающимся из личных ресурсов, его готовность разделять скорбь с теми, кто в трауре.

Во всех этих филантропических, общественных и прочих мероприятиях мастера риторики в Газе всегда находили возможности для выражения своего искусства публично; они могли хвалить или оплакивать, украшать свадьбу или передавать моральное суждение.

Поведение зрителей – клакеры, крики, аплодисменты, речёвки, прыжки

Таковы были публичные риторические представления, а софисты проявляли себя так, что молодые и старые в те дни собирались толпами, чтобы увидеть и послушать их, даже иногда оставаясь, как говорит нам Либаний, на ночь в лекционном зале, чтобы оказаться на публике утром раньше всех, так же, как люди в наши дни, когда в город приезжает любимый актер или певец. В некоторых местах «как только появлялось платье профессора, люди бежали и цеплялись за него, как железо цепляется за магнит» (Lib. Ep. 299a, 289a, 293d).

Василий Великий пишет Либанию (как слушатель) о том, что выступление последнего проходило самым блестящим образом и привлекло столько внимания, что весь народ устремился к нему, так что казалось, что город разделен на два лагеря: Либаний, который сражался на сцене, и все остальные, которые слушали. Никто не хотел остаться в стороне – от сенатора, обладавшего высоким достоинством и положением, и военачальника, отличавшегося своим званием, до простолюдина. Даже женщины приходили толпами. И что же это было за зрелище? Какова его тема? Образ и характер хулигана.

Иногда за выдающимся софистом следовали с места на место его ученики, которые поселялись там, где останавливался софист.

Присутствия Прозерсия в Афинах было достаточно, чтобы привлечь в город образованных людей со всей Греции.

Энтузиазм в лекционном зале часто был очень большим; хлопки в ладоши и крик были наиболее распространенными методами выражения восхищения, и даже старые и

больные мужчины временами вскакивали со своих мест и дико жестикулировали (Lib., I. 63, 10). О том, как хлопали в ладоши и кричали, см. Lib., Iii. 378, 19; Them., 243b, 282d; Eunap., p. 69. Однажды на похоронной речи публика кричала при каждом слове оратора (Procor., Ep., 49), но Плутарх советовал бороться против такой практики (De red. rat., 13). Ср. Lib., I. 87, 3. Иногда непослушные студенты пытались помешать сторонникам оратора криком (Lib., I. 200, 12). Иногда люди кричали до хрипоты (Lib., II. 375, 10), а людей на улице беспокоило улюлюканье в зале софистов (Plut., De red. Rat. Aud., 15; Lib., II. 80).

О прыжках с места во время выступления неоднократно пишут Фемистий и Либаний (Them., 311 с, 315 с, 343 b, 366 с; Lib., Ep., 348, 613, 1593). Порой некоторые представители аудитории настолько возбуждались, что почти делали сальто (Lib., II. 375, 10).

Жестикуляция руками была обычным явлением, как и размахивание плащом (Eunap., p. 73).

Зрители нередко пытались найти экстравагантные, необычные слова похвалы оратору, такие как «божественный», «вдохновленный», «неподражаемый» (Lib., I. 179, 9); «чудесный». Обычными словами были kalos, sophos.

Шипение было признаком неодобрения выступлением оратора (Luc., Nigr., 10), а также вой (Plut., De red. Rat. Aud., 4).

Либаний иногда втайне, наверное, хихикал при мысли, что у него есть один ученик, который кричит, как пятьдесят обычных учеников (Lib., ep. 280). Вынужденный таким образом сделать паузу в своей речи, Либаний улыбался ученику и даже спускался с подиума и подбегал к нему.

Однажды экзальтированная аудитория провозгласила Прозерсия богом, и лично проконсул и его телохранитель сопровождали его из зала (Them. 283a).

Иногда, когда соперничество между разными софистами было велико, а зал был переполнен публикой, то аплодисменты раздавались по заранее оговоренному сигналу под руководством одного из участников группы клакеров.

Когда софист был широко известен, то отрывки из его речей звучали на улице, а порой студенты, собравшись после лекции, пытались склеить отрывки, которые они оставили в своей памяти, чтобы составить (и записать) текст только что услышанной речи.

От честного состязания к мелкой ревности и зависти (II–IV вв.)

Одна из самых приятных черт академической жизни II–III вв. – профессиональная честность, присущая некоторым великим софистам, готовность признать способности даже у соперника.

Это резко контрастирует с духом IV в., который был духом вражды и мелкой ревности, и следует опасаться, что даже в более ранний период лишь величайшие из софистов могли подняться до этой высоты великодушия.

В Orat. 2.14, написанной в начале 380-х гг., Либаний признал, что он словесно избивал многих противников: «Я победил такого-то софиста, который так уменьшился, чтобы заставить замолчать, я бил другого и сверг третьего, я снова сбежал, я испугался многих софистов в Египте и тех трех в Афинах».

Острая враждебность среди софистов – это не новинка Поздней античности, но, похоже, это признак профессии, управляемой тщеславием, где многое зависело от внешнего вида. Враждебные отношения с другими софистами, которые иногда составляли войну (polemos) (Lib. Or. I, 91), способствовали повышенному эмоциональному тону начала Автобиографии Либания.

В каждом городе, где Либаний участвовал в публичных конкурсах и пытался привлечь учеников, он должен был бороться с обидой или открытым антагонизмом других учителей, борющихся за свое собственное выживание.

Иногда софисты путешествовали на большие расстояния, чтобы увидеть и послушать своих знаменитых собратьев-софистов и щедро восхвалить их.

Гимерий был достаточно откровенен, чтобы не раз рассказывать своей аудитории, что сожалеет о том, что не все люди достаточно мудры, чтобы посылать к нему своих сыновей учиться.

Следует помнить, что софист был не только учителем юношества, который временами выходил из классной комнаты, чтобы устроить публичную презентацию своего искусства; он был оратором, порой и придворным оратором своего времени. Если должен был быть освящен храм, если правительственный чиновник, провинциальный магистрат или правитель епархии должны были быть приняты в его округе, если должно быть подано прошение императору или его представителю, то софист был единственным человеком, к которому все обращались, чтобы исполнить этот долг; его услуги были востребованы и в бесчисленных других случаях.

На публичных праздниках он всегда был на виду, и, путешествуя с места на место, он часто обращался с более или менее формальной речью к жителям городов, через которые проходил. Речи, которые произносились во всех этих случаях, носили характер, называемый эпидейктическим и, как правило, носили хвалебный характер.

Выводы

Итак, софист и ритор были популярными фигурами в позднеантичном городе, причастными ко всяческому общественному поводу, и они всегда были готовы предложить публике или властям плоды своего ремесла. Их ученики, а также сограждане почитали и уважали их, как и в случае Прокопия: «всякий раз, когда он появился на рынке, каждый поднимался с места перед ним с уважением» (Chor. p. 117. 1–7; cf. p. 4. 24–5.2). Есть яркая иллюстрация основных функций софиста в городе: «[Прокопий] был пастырем стад молодежи, собирал все разряды граждан на лекциях, и даже прибывающие на рыночную площадь читали его речи» (Chor. p. 121. 8–13).

Таким образом, мастера слова были хорошо знакомы гражданам позднеантичных городов «в лицо», а их публичные выступления и конкурсы имели широкий практический диапазон – от учебно-квалификационного выступления для своих студентов до «шоу» на массовом городском (или даже провинциальном) празднике и до «закрытого показа» перед важным частным лицом и даже самим императором.

В большой мере выступления софистов в V–VI вв., существуя и ранее, заменили собой прежний широкий спектр общественных зрелищ [Weiss, 2014]. Современная аналогия со «звездами» шоу-бизнеса будет едва ли адекватной, но по внешнему восприятию недалекой от истины.

References

- Ashkenazi Y. 1991. Paganism in Gaza in the Fifth and Sixth Centuries. In: *Cathedra*. 60: 106–115.
- Ashkenazi Y. 2004. Sophists and Priests in Late Antique Gaza According to Choricus the Rhetor. In: *The Christian Gaza in Late Antiquity*. Ed. B. Bitton-Ashkelony, A. Kofsky. Leiden; Boston: 195–208.
- Barnes T.D. 1996. Christians and the Theater. In: *Roman Theater and Society*. Ann Arbor: 178–180.
- Bolgov N., Bolgova A., Litovchenko E., Prokopenko S., Sinitsa M. 2018. «The fourth sophistry» in the cultural space of later Antiquity (VI th cent.). In: *The turkish online journal of design, art and communication – TOJDAC*, March 2018 special edition: 578–582.
- Bolgova A., Bolgov N. 2013. The Crossroads of Epochs and Cultures: Choricus of Gaza as a mirror of continuity. In: *L’Ecole de Gaza: espace litteraire et identite culturelle dans l’Antiquite Tardive*. Paris: College de France: 2–3.
- Bowersock G.W. 1969. *Greek Sophists in the Roman Empire*. Oxford, OUP, 152.
- Brunt, Peter A. 1994. The Bubble of the Second Sophistic. In: *BICS*. 39: 25–52.
- Cameron, Averil. 1991. *Christianity and the Rhetoric of Empire*. Berkeley; Los Angeles, UCP, 261.
- Ciccolella F. 2006. «Swarms of the Wise Bee»: Literati and Their Audience in Sixth-Century Gaza. In: *Epistulae Antiquae IV*. Louvain; Paris: 12–27.

- Constantinides C. N. 2003. Teachers and Students of Rhetoric in the Late Byzantine Period. In: Jeffreys, Elizabeth, ed. *Rhetoric in Byzantium. Papers from the 35 Spring Symposium of Byzantine Studies*, Exeter College, University of Oxford (March 2001). Burlington, Vt.: 39–53.
- Cribiore R. 2007. *The school of Libanius in Late Antique Antioch*. Princeton, UP, 376.
- Declercq F. 2009. *De Redenaar onthuld: Choricus Gazaeus' Rhetor: een vertaling en onderzoek naar de fictionaliteit binnen zijn discours*. Gent, Univ., 96.
- Downey G. 1963. *Gaza in the Early Sixth Century*. Norman, UOP, 172.
- Downey G. 1958. *The Christian School of Palestine: A Chapter of Literary History*. In: *Harvard Library Bulletin*. 12: 297–319.
- Heath, Malcolm. 2004. *Menander: A Rhetor in Context*. Oxford, OUP, 374.
- Litsas F.K. 1982. *Choricus of Gaza and His Description of Festivals at Gaza*. In: *Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik*. 32–33: 427–436.
- Litsas, Fotios K. 1980. *Choricus of Gaza: An Approach to His Work*. Diss. Chicago, 342.
- Penella, Robert J. 1990. *Greek Philosophers and Sophists in the Fourth Century A.D.: Studies in Eunapius of Sardis*. Leeds, Peeters, 165.
- Russel D.A. 1983. *Greek Declamation*. Cambridge, UP, 141.
- Schouler B. 2005. *Chorikios Déclamateur*. In: C. Saliou (ed.). *Gaza dans l'antiquité tardive. Archéologie, rhétorique et histoire*. Salerno: 117–133.
- Walden J.W.H. 1912. *The Universities of Ancient Greece*. New York, Charles Scribner's Sons, 368.
- Webb R. 2006. *Rhetorical and Theatrical Fictions in Chorikios of Gaza*. In: Johnson S.F. (ed.). *Greek Literature in Late antiquity. Dynamism, Didacticism, Classicism*. Aldershot: 109–123.
- Weiss Z. 2014. *Public Spectacles in Roman and Late Antique Palestine. Revealing antiquity*, 21. Cambridge, MA; London, Harvard University Press, XII, 361.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.06.2022

Received 01.06.2022

Поступила после рецензирования 09.09.2022

Revised 09.09.2022

Принята к публикации 09.09.2022

Accepted 09.09.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Болгова Анна Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры всеобщей истории, НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Anna M. Bolgova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of World History, National Research University "Bel-SU", Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0001-8510-093X](https://orcid.org/0000-0001-8510-093X)